

включением в него параллелей из греческих папирусов и надписей, говорилось в докладе *Г. Хорсли* (Австралия).

Наконец, еще один семинар был посвящен перспективным исследовательским и издательским планам, а также проектам, связанным с использованием папирологами современных технических методов. *Б. Пальме* (Австрия) выступил с докладом о «Венском издательском проекте», предусматривающем издание около 500 еще не опубликованных папирусов римско-византийского времени, а также переиздание (с новыми дополнениями, исправлениями и комментариями) более 1300 папирусных текстов, относящихся к хозяйственной истории поздневизантийского Египта. О созданной в Лувенском университете компьютерной базе данных о греческих и латинских «книгах» (400 г. до н.э. – 800 г. н.э.) рассказал *В. Кларисс* (Бельгия). Эта база данных содержит основную информацию о более чем 7000 литературных текстов на папирусах, острака, дереве и пергамене. Прилагающаяся к информации компьютерная программа позволяет пользователю увидеть с помощью рисунков, таблиц и графиков, например, рост количества гомеровских папирусов с IV в. до н.э. по VII в. н.э., места находок текстов Еврипида и Менандра на карте Египта, эволюцию «книги» от свитка к кодексу, от папируса к пергамену, портреты классических авторов и многое другое. *Л. Морен* (Бельгия) в своем докладе остановился на характеристике автоматизированной версии *Proxopographia Ptolemaica*, работа над которой ведется с 1985 г. С папирологическими проектами Гейдельбергского университета познакомил участников семинара *Дж. Коун* (Германия).

На закрытии конгресса выступил один из крупнейших папирологов современности *Ж. Бинген* (Бельгия), который подвел итоги длившейся неделю плодотворной работы «под сенью» величественного собора Санта Мария дель Фьоре. В заключение хотелось бы отметить великолепную организацию флорентийского конгресса, во время которого его участники познакомились с замечательной библиотекой Папирологического института «Дж. Вителли», побывали на открытии выставки папирусов в Библиотеке Лоренцо Медичи, посетили дворец Медичи Риккарди, где проходила выставка, посвященная столетию раскопок Антинои, совершили экскурсию в Фьезолу, Неаполь и Геркуланум, наконец, были приглашены на прощальный обед, устроенный организаторами в обычно закрытом для посетителей Большом притворе церкви Санта Мария Новелла, расписанной Учелло, Вазари и другими великими мастерами Возрождения. Пользуясь случаем, выражаем также свою благодарность РГНФ и Фонду Сороса, поддержавшим нашу поездку на конгресс.

В.Н. Илющечкин, Ю.Н. Литвиненко

© 1999 г.

«КРУГЛЫЙ СТОЛ» «ОЛИМПИЙСКИЕ ПРАЗДНЕСТВА (ИГРЫ) КАК ФАКТОР ГРЕЧЕСКОГО ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ЕДИНСТВА»

(Москва, 28 мая 1998 г.)

С 1996 г. в рамках научно-исследовательского проекта «Олимпийские игры как феномен античной и мировой культуры», поддержанного Российским гуманитарным научным фондом¹, на кафедре истории древнего мира исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова работает научная группа по изучению олимпийского движения. 28 мая 1998 г. этой группой был проведен «круглый стол» «Олимпийские празднества (игры) как фактор греческого этнокультурного единства». В работе «круглого стола» приняли участие члены кафедр древнего мира и древних языков исторического факультета, кафедр классической филологии и византистики филологического факультета Московского государственного университета, сотрудники институтов Российской Академии наук,

¹ См. публикации, осуществленные в рамках данного проекта: *Кузнецов В.И.* Олимпийские игры как феномен древнегреческой и мировой культуры // *ВИ.* 1997. № 1. С. 41–47; *Гвоздени Т.Б.* Конференция «Олимпийские игры в истории мировой культуры: К 100-летию возобновления современных Олимпийских игр» (Москва, 30 мая 1996 г.) // *ВДИ.* 1997. № 2. С. 248–250.

Московского педагогического государственного университета, других высших учебных заведений и научных учреждений.

Заседание «круглого стола» было открыто вступительным словом заведующего кафедрой истории древнего мира исторического факультета МГУ проф. *В.И. Кузищина* (Москва). В своем выступлении он рассказал об основных направлениях проводимого на кафедре истории древнего мира изучения феномена Олимпийских игр в древности, а также охарактеризовал значение этой темы. Древние празднества в Олимпии следует изучать как комплексный феномен, значение которого проявлялось в политическом и культурном развитии и религиозно-сакральной сфере жизни античной Греции. Собственно спортивные состязания были лишь одним, причем, возможно, не самым главным из его аспектов. Древние Олимпийские празднества стали одним из средств преодоления эллинами полисного партикуляризма и осознания ими своего культурно-религиозного единства; в связи с этим следует помнить, что история Олимпийских празднеств уходит в глубокую древность греческой истории (согласно античной традиции, 776 г. до н.э. – время не учреждения, а восстановления Олимпийских празднеств). Политическое значение Олимпийских празднеств проявлялось в обычае священного перемирия (*εκεχειρία*), заключавшегося на время их проведения; тем самым Олимпийские празднества становились мощным фактором мира в эпохи затяжного, военного противостояния между греческими полисами. Трудно переоценить то воздействие, которое Олимпийские празднества, в частности само создание архитектурного ансамбля в Олимпии, оказали на развитие древнегреческого искусства. Значение Олимпийских празднеств как культурно-исторического явления стало осознаваться знатоками античности со времени Возрождения; в XIX в. общегреческие Олимпийские игры становятся одним из проявлений национального самосознания молодого Греческого государства. Наконец, в 1896 г. происходит воссоздание Олимпийских игр во всемирном масштабе. Учитывая ориентацию его инициатора П. де Кубертена на античную традицию, связанную с Олимпийскими празднествами, современное Олимпийское движение можно считать уникальным опытом перенесения древнего культурно-исторического явления на современную почву.

С докладом «Олимпийские игры и творчество Пиндара» выступил заведующий кафедрой классической филологии филологического факультета МГУ проф. *А.А. Россигус* (Москва). Он отметил, что творчество Пиндара сравнительно редко становится предметом изучения с точки зрения отразившихся в нем исторических реалий. Что касается темы Олимпийских празднеств, к сожалению, Олимпийские оды Пиндара не могут служить источником по изучению технических и организационных деталей этого агона. Как ни странно, большей степенью детализации отмечено даже эпическое описание состязания при погребении Патрокла в «Илиаде»; едва ли не единственной существенной подробностью, сообщаемой Пиндаром, оказывается приведенный в одной из од канонический перечень видов состязаний в Олимпии. В Олимпийских одах Пиндара основное место уделено воспеванию личности победителя, фоном которого оказывается предопределяющая его победу воля Зевса. Особое место эта тема занимает в «рамочных конструкциях» 1-й и 2-й Олимпийских од. Еще одной особенностью этого цикла од Пиндара оказывается переосмысление им связанных с празднествами в Олимпии мифологических сюжетов в духе утраченного из них наиболее архаических эпизодов, на уровне классической эпохи воспринимавшихся как варварские и кощунственные (например, «опровержение» «канибальского» эпизода в мифе о Пелопсе). 2-я Олимпийская ода Пиндара интересна тем, что в ней, наряду с конкретным эпизодом разрешения конфликта между Акрагантом и Сиракузами в результате победы лидеров обоих полисов на играх 476 г. до н.э., отразились взгляды Пиндара на посмертную судьбу людей (представление об «островах блаженных», которое не вполне основательно возводится некоторыми исследователями к влиянию на Пиндара пифагорейской традиции, и об их противоположности – мрачном царстве мертвых).

В докладе «Политико-юридическая основа при организации Олимпийских игр в IX–VIII вв. до н.э.» *Т.В. Блаватская* (Москва) коснулась предыстории и предпосылок возникновения древних Олимпийских празднеств. По ее мнению, ко времени их возникновения процесс формирования эллинской этнокультурной общности насчитывал по крайней мере двухтысячелетнюю историю. Уже к XIII в. до н.э. можно говорить о принципиальном языковом единстве древней Греции; у ее населения складываются общий пантеон, общие психологические и мировоззренческие установки, общие принципы кланово-родовой социальной организации. «Этносакральное» единство древних эллинов в известном смысле заменило их политическое и экономическое единство; оно сделало эллинский этнос весьма устойчивым организмом, который смог пережить цивилизационную катастрофу, вызванную миграциями конца II тыс. до н.э. Обращаясь непосредственно к предыстории Олимпийских празднеств (XI–IX вв. до н.э.), Т.В. Блаватская обратила внимание на произошедшее к этому времени сближение Спарты и Элиды и наметившееся их противостояние Аттике в сфере политики и идеологии. Около конца XII в. до н.э. дорийско-эолийское объединение берет на себя попечение о безопасности Олимпии и прилегающей к ней области; не позднее IX в. до н.э. это попечение принимает форму посвящения этой области Зевсу, установления запрета на ведение войны с Элидой и обязанности Спарты и связанных с нею общин выступать в ее защиту при необходимости, введения санкции за нарушение этих обязательств в виде проклятия. Введение этих установлений было обусловлено стремлением Спарты и Элиды к приобретению определенных идеологических и моральных преимуществ в

рамках эллинского этнокультурного единства; в то же время нужно подчеркнуть, что уже к началу этого процесса Олимпия, безусловно, была одним из самых чтимых мест Эллады, а вызвавшая его расстановка сил между эллинскими государствами восходит еще к микенскому времени. Сами же события, приведшие к оформлению особого статуса Олимпии, приходятся на время, часто и неосновательно обозначаемое в историографии как «темные века».

Выступивший с докладом «Олимпийские празднества в контексте общественно-религиозной жизни конца IV–V вв. в Римской империи и запрещение олимпийских игр» заведующий кафедрой древних языков исторического факультета МГУ проф. *И.С. Чичуров* (Москва) уделил внимание позднейшей истории Олимпийских празднеств. Он подчеркнул, что считать их прекращение единовременным актом, последовавшим за соответствующим эдиктом императора Феодосия I, было бы неправильно. Равным образом нельзя рассматривать как единственную предпосылку к прекращению состязаний в Олимпии распространение и становление в качестве государственной религии христианства, хотя оно и было несовместимо с их языческой ритуальной стороной, включавшей совершение жертвоприношений. Следует обратить внимание на произошедшее в поздней античности и закрепившееся в византийское время принципиальное изменение отношения к агону: из явления общественной жизни, в котором, по крайней мере в теории, может и должен принимать участие каждый, он превращается в зрелище в чистом виде (это особенно ярко проявилось в византийских конных ристаниях). Происходит профессионализация состязаний, а их проведение ставится под жесткий контроль власти и становится одним из средств государственной политики. Изменяется отношение к физическому совершенству человека: в позднеантичное время оно перестает восприниматься как ценность, с чем, в частности, связано его исчезновение из числа общих мест восхвалений императора. На фоне столь серьезных изменений в мировоззрении людей поздней античности само прекращение регулярных Олимпийских празднеств представляется вполне закономерным.

В докладе «К вопросу о критериях отбора участников Олимпийских состязаний и оценки их достижений» *Т.Б. Гвоздева* (Москва) остановилась на сущностных и формальных аспектах отбора и награждения атлетов на играх в Олимпии. Олимпийская клятва, которую спортсмены произносили в первый день состязаний, содержала в себе ряд юридических (личная свобода, обязательный гражданский статус), этических (достойный «моральный облик») и технических (соответствующая спортивная подготовка) характеристик, которым должны были соответствовать участники игр. Состязательная сторона достижений спортсмена соседствовала с этическими моментами оценки победы в том или ином виде спорта (случай на 75-х Олимпийских празднествах с Феагеном из Фасоса). Олимпийские празднества выработали уникальный вид награды атлетов, не имеющий «стоимостного» эквивалента. Олимпийский венок – вершина спортивной карьеры – стал знаком «особого» покровительства Зевса, которое переносилось олимпийщиком на его родной полис через обряд посвящения венка локальному божеству и установку «посвятительных» статуй в роще Зевса Олимпийского.

Доклад «Олимпийские празднества 324 г. до н.э. и политика последних лет жизни Александра Македонского», сделанный *И.А. Ладыниным* (Москва), был посвящен провозглашению в Олимпии посланником Александра Никанором из Стагиры царского решения о возвращении изгнанников в греческие полисы и историческому контексту этого эпизода. Это решение противоречило Коринфскому договору, определявшему отношения между македонским царем и греческими полисами, и было для них, судя по источникам, обязательным правовым актом, т.е. указывало на придание власти Александра над греческим миром абсолютного характера. По-видимому, объявленное Никанором решение Александра не ограничивалось возвращением изгнанников, а касалось в более широком плане абсолютизации его власти над греческими полисами и распространения на них системы его царского культа и было принято царем в Опиде весной 324 г. до н.э. (ср. *Арт. VII. 11.9; Curt. X. 3. 13–14*). Избрание для провозглашения этой политической программы празднеств в Олимпии должно было придать ему характер апелляции Александра к общеэллинскому единству наивысшего авторитета. При этом событии 324 г. до н.э. в Олимпии были самым значительным, но далеко не единственным случаем использования македонским царем греческой традиции агонов и общественных празднеств в пропагандистских целях.

В докладе «Олимпийский агон в общественном сознании афинян VI в. до н.э.» *Я.И. Зверев* (Москва) выдвинул тезис об использовании празднеств в Олимпии политическими противниками Писистрата, многие из которых стали олимпийщиками, в противовес его внутренней политике, элементом которой было создание Панафинейского агона. Несмотря на то что вплоть до VI в. до н.э. Олимпийские игры сохраняли местный пелопоннесский и дорийский характер, афиняне принимали в них активное и массовое участие с VII в. до н.э., хотя не стремились проявить себя в агонах собственно монийских союзов. Подобная ситуация может быть объяснена сохранением в среде афинской аристократии исторической памяти о традициях прошлого, в том числе о давних связях Аттики с Пелопоннесом.

Доклад *Е.В. Дорохиной* (Москва) «Скульптурное убранство Альтиса как реализация концепции общеэллинского празднества» был посвящен анализу архитектурного комплекса, важнейшим элементом которого был храм Зевса Олимпийского. Темой восточного фронтона храма стал миф о Пелопсе – одним из легендарных основателей празднеств в Олимпии. Центральная фигура этой композиции – Зевс, высту-

пающий в роли судьи Олимпийских состязаний. Композиция западного фронтона изображает битву кентавров и лапифов; ее центральная фигура – Аполлон, олицетворяющий духовное и эстетическое начало и дарующий победу грекам. Подлинным выражением торжества мудрости и справедливости, величия и силы стала статуя Зевса Олимпийского работы Фидия, одно из «семи чудес света». Центральной темой, объединяющей все скульптуры святилища Зевса, стала победа людей над хаосом, оформившая идею этнокультурного единства эллинов.

И.В. Меланченко (Ярославль) в докладе «Провозглашение идеи панэллинизма на олимпийских играх 392–388 гг. до н.э. и его значение» отметил, что Олимпийские празднества были важнейшим фактором культурного единства греков. В Олимпии часто выступали ораторы (Исократ, Демосфен), историки (Геродот), поэты (Пиндар), философы (Эмпедокл) и др. Кроме того, на Олимпийских празднествах провозглашались важнейшие общегреческие лозунги. На 97-й Олимпиаде в 392 г. до н.э. софист Горгий впервые призвал к прекращению междоусобных войн и провозгласил идею общегреческого единства. На 98-й Олимпиаде в 388 г. до н.э. идею панэллинизма развил известный оратор Лисий. Его «Олимпийская речь» была посвящена возрождению греческих союзов, объединению всех эллинов и выдвижению лозунга их совместного похода на Восток.

Доклады вызвали большой интерес и оживленную дискуссию участников «круглого стола». Обращение к теме Олимпийских празднеств в древности, а также связанным с нею частным проблемам истории античности было признано актуальным и заслуживающим продолжения и развития. В заключительном слове проф. В.И. Кузищин подвел итог дискуссии, поблагодарил всех участников «круглого стола» и высказал пожелание о публикации их выступлений.

Т.Б. Гвоздева, И.А. Лайдынин